

Размышляя над прочитанным

Н.А. ХОМЕНКО*

«ТОМОВ ПРЕМНОГИХ ТЯЖЕЛЕЙ»

Новая книга¹ замечательного российского учёного – философа, политолога, американиста – Э.Я. Баталова лишь на первый и весьма поверхностный взгляд может показаться просто «сборником статей», написанных в разное время и на разные темы и объединённых в «несколько тематических блоков, связанных друг с другом в концептуальном и проблемном планах» (с. 10). «Сборник статей» – такое решение либо авторская скромность, либо издательский штамп. На самом деле найти удачное определение жанра этой работы не так-то просто.

В ней наличествуют весьма глубокие и новаторские подходы к ряду проблем теории и методологии политической науки, но это больше чем учебник. Часть книги посвящена прикладным исследованиям актуальных проблем современной России, США, международных отношений, но это больше чем монография. Некоторые статьи носят несколько полемическо-публицистический характер, но не в ущерб их научному уровню, и это больше чем просветительство. Блестящее эссе в духе и стиле Серебряного века «Два кануна» вместе с двумя другими статьями образуют раздел «Контурсы “новой эры”», но это больше чем футурология.

Пожалуй, данный «сборник статей» можно условно обозначить как весьма сложную и ёмкую исследовательскую матрицу, каждая ячейка которой наполнена собственным смыслом и содержанием, но при этом перекликается – прямо или косвенно – с другими её элементами. Однако на каком бы уровне мы ни находились – философском, культурологическом, политологическом – там всегда в той или иной степени будет звучать тема человека. «Человека живого – взятого в единстве его родовых и индивидуальных черт – и человека, материализовавшегося (опредмеченного) в цивилизации и культуре» (с. 51).

«Антропологическое представление о современном человеке как о *Homo Sapiens* не может скрыть от нас то обстоятельство, что он был и остаётся существом рационально-иррациональным. Он удивительным образом сочетает в себе стремление к властвованию в процессе отношения с другими людьми (политика), жажду постижения чистых истин о космосе, земном мире и о самом себе (наука) и потребность в таких ментальных конструкциях, которые слу-

* ХОМЕНКО Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

¹ Б а т а л о в Э.Я. Человек, Мир, Политика. М., «Наука», 2008, 337 с.

жили бы ему надёжной защитой его партикулярного интереса, право на власть и место в этом мире (идеология)» (с. 96).

Политика не случайно поставлена здесь на первое место, поскольку, по мнению автора, *«политика есть самое концентрированное выражение человека в единстве его сущности и существования»* (с. 50–51). И это «человеческое, слишком человеческое» в политике обусловлено не только «волей к власти» (заметьте, что Э.Я. Баталов знает и ценит Ницше на уровне Бердяева и Мережковского, а не Ницше, позорно перетолкованного для гимназистов, как сказал кто-то из русских писателей), но, в первую очередь, тем, что «в политике в силу выполняемых ею функций острее и напряжённее, чем в других сферах, встаёт и решается проблема *жизни и смерти* (существования) человека и “полиса” – начиная от небольших общностей и кончая человечеством в целом» (с. 53).

Поскольку автор принадлежит к числу тех, кто считает, что «если природа человека и претерпевает изменения, то столь медленно, что её можно принять за практически постоянную величину» (с. 50), то вполне закономерен и вывод «каков человек – такова и политика» (с. 51). Здесь легко можно было бы попасть в псевдомарксистский тупик – бытие определяет сознание и споткнуться о вопрос относительно движущих сил изменения бытия и сознания, политики и самого человека. Но Э.Я. Баталов, прекрасно знающий правду и правоту не только науки, но также литературы и искусства, вполне обоснованно говорит об «амбивалентности этой сущности: человек одновременно и возвышен, и низок, и добр, и зол, и велик, и ничтожен». И этот список антиномий, наверное, неисчерпаем, как неисчерпаем сам человек. Поэтому, справедливо указывает автор, «...все заложенные в человеке потенции и противоречия мы обнаруживаем в политике... можно сказать так: политика есть самое концентрированное выражение человека в единстве его сущности и существования» (с. 50–51).

Рынок и обмен, конкуренция и соревнование, наверное, родились вместе с человеком и потому значительное место в работе занимают проблемы политики в рыночном обществе, где существует та же диалектика спроса и предложения, но в отношении несколько специфического «товара». «...Политика в рыночном обществе оказывается, – по словам автора, – заложницей массового сознания и, в частности, такого его динамичного элемента, как массовые настроения, которые далеко не всегда отражают реальные потребности и глубинные интересы социума...

Однако и политики не остаются в долгу, усиленно обрабатывая электорат с помощью средств массовой информации... В конце концов, в результате встречного давления “продаётся и покупается” та политика, которая более или менее адекватно отражает возможности политических деятелей и потребности общественности» (с. 61).

Вполне закономерно, что в русле этой темы Э.Я. Баталов не мог обойти вниманием десятилетиями изучаемую им страну – США в качестве одного из самых ярких примеров «политики как рынка». Вдумчивый и кропотливый анализ теории и практики демократии в Америке от «отцов-основателей» и до

наших дней даёт учёному возможность выделить два магистральных течения её общественно-политической мысли.

Одно из них, представленное Мэдисоном и другими авторами «Федералиста», теоретиками Чикагской школы Й. Шумпетером и более поздними сторонниками «процедурно-элитистского» подхода, рассматривает демократию как «форму и способ организации власти (властных отношений)» (с. 155), «при котором, – цитирует Э.Я. Баталов С. Хантингтона, – отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей» (с. 143).

И хотя этот подход, возможно, более плодотворен для исследователя, складывается впечатление, что как человеку и гражданину автору ближе и симпатичнее гуманистическое понимание демократии, по словам Дж. Дьюи, как «формы совместной жизни, формы взаимообмена опытом» (с. 137). Недаром в книге достаточно подробно изложены взгляды самого Дьюи и его последователей с особым вниманием к работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (с. 166).

Эта работа как бы перебрасывает мостик от размышлений о политической системе США и специфике демократии в этой стране к исследованию аналогичной проблематики в российском контексте. Но, если американская тема, – скорее плод «ума приметных наблюдений», то российская – «сердца горестных замет», ибо в нашей стране всё упирается именно в политическую культуру, психологию и ценностную ориентацию подавляющей части населения. «Пока сознание и поведение людей не будут регулироваться нормами демократической политической культуры, ни о какой демократии (будь она трижды суверенной) не может быть и речи, несмотря на существование демократической институциональной инфраструктуры» (с. 15).

Тем временем «в медленно меняющихся механизмах воспроизводства национального бытия» слишком уж глубоко укоренены «установки на этатизм, централизм и патернализм», «коллективистские и уравнилельные настроения» (с. 118). Если добавить к этому национальную привычку и склонность к утопическому мышлению и сознанию, специфическому пониманию национального величия и социальной справедливости, отсутствие таланта к организации и самоорганизации и прочие родимые пятна тоталитарного и авторитарного прошлого, то нет ничего удивительного в том, что «к середине 1990-х годов стало очевидным, что недавние расчёты на быстрое формирование гражданского общества, свободного рынка и построение демократического государства не имеют под собой реальных оснований...» (с. 25).

Альтернатива – «застой, который раньше или позднее завершается глубоким социальным, политическим, экономическим, культурным и нравственным кризисом» (с. 8) и в нашей стране почему-то всегда начинается при резком падении цен на сырьё на мировом рынке. Выходом из этого замкнутого круга могло бы стать формирование «массового типа личности, испытывающей потребность в свободе... и готовой отстаивать её до конца» (с. 9–10). Правда, пока что такие личности, едва сформировавшись, предпочитают «голосовать ногами», массово перебираясь в те страны, где свободу давным-давно отстаивали местные граждане.

Автор «с позиций человека и в интересах человека» (с. 202) призывает изучать и международную проблематику, считая крайне важным и настоятельно необходимым разработку таких перспективных и новаторских направлений как философия и антропология международных отношений. Под последней понимается *«научная дисциплина, исследующая детерминирующее воздействие человека на международные отношения и мировую политику, а также международных отношений – на человека»* (с. 205). Человека и «стоящей над ним правды²», – говорил Г.П. Федотов.

На этом же настаивает и Э.Я. Баталов, однако в несколько иных формулировках. «Но "реабилитация" личности как творца международных отношений... предполагает также ориентацию на построение глобального мира и международных отношений, которые ставили бы своей генеральной задачей обеспечение общего блага человечества» (с. 217). И в противоположность скептикам, считающим это «псевдоценностью, которую-де невозможно определить по причине отсутствия общих критериев блага и наличия разных представлений о его содержании» (с. 218), автор убеждён, что «установка на стремление обеспечить общее благо имеет реалистический характер. По сути, подобная установка содержится в преамбуле к Уставу ООН» (с. 218). Как представляется, в этой преамбуле человечество просто в очередной раз сформулировало издревле присущие ему надежды и чаяния – мир и безопасность, благоденствие и процветание, свобода и справедливость.

И здесь диалектика бытия и сознания, человеческих качеств и внешних условий их проявления и реализации «предполагает также формирование в обществе отношения к человеку как творцу глобального мира и воспитание человека как свободного творца с развитым чувством социальной ответственности. Такая личность должна быть наделена твёрдой волей к позитивному действию, развитым нравственным сознанием и социологическим воображением; быть внутренне свободной, открытой миру как (по словам А. Панарина) “носитель иначе-возможного, объективно не предопределённого, альтернативного”» (с. 217).

Пока же мы наблюдаем явный дефицит в мире и общего блага и позитивных «качеств массового типа человека, доминирующего в обществе (с. 210), а «человечество имеет такие международные отношения, которые заслуживает», или же, какие «они (государства и народы. – Н.Х.) сами же и создают» (с. 207).

Причин этому может быть великое множество, но об одной из них сказал, кажется, А. Эйнштейн. На вопрос, почему человечество оказалось настолько умным, что смогло раскрыть секреты атома, и настолько глупым, что это стало угрожать самому его существованию, гениальный физик ответил: возможно это потому, что политика наука гораздо более сложная, чем физика.

В этой связи красной нитью через всю работу проходит тема «науки о науке», в данном случае – политической, которую «следует трактовать как *разновидность познавательной деятельности, направленную... на постижение и экспликацию объективных, общезначимых, системных связей (закономерно-*

² Федотов Г.П. Сб. Судьба и грехи России, февраль и октябрь. СПб., т. 1, с. 25.

стей), характерных для политической сферы и политических аспектов реальности» (с. 29). Западу здесь уже удалось сказать своё достаточно веское и авторитетное слово (и в данной работе масса примеров тому), но России вовсе не следует ограничиваться исключительно «догоняющим развитием», которое у нас почему-то часто сводится к беспомощному эпигонству.

Отечественная политическая наука может и должна «выявить много нового и обогатить политическую науку такой теоретико-концептуальной информацией, которую невозможно получить, исследуя политическую жизнь исключительно Европы и Америки» (с. 39–40).

Инновационными подходами и темами весьма насыщена и данная работа – философия и антропология международных отношений, политическая топология и политическая хронология и ряд других, но основное внимание отечественных исследователей, по мнению автора, следует уделить уникальным процессам *«национально-государственной, этнической и культурной интеграции..; взаимодействия между Европой и Азией; формирования новой политической культуры; демократического транзита; партийно-государственного строительства; отношений между государством и гражданским обществом и т.д.»* (с. 40).

Содержанию – знанию и пониманию сути и сущности изучаемых явлений – должна соответствовать и форма – «литературный русский язык не в ущерб научности». Пока же, с горечью пишет автор, «на смену демократическому новоязу, потеснившему тоталитарный волапюк, пришёл “базарный язык”», на котором «мы не только “как бы” говорим, но и “как бы” мыслим» (с. 14) Единству мысли и содержания поучиться «можно не только у поп-политологов типа Ф. Фукуямы... но и у Н. Бердяева или И. Ильина, которые, будучи глубокими мыслителями, умели выражать свои мысли понятным и изящным языком» (с. 27).

Как представляется, книга Э.Я. Баталова – прекрасная иллюстрация к вышесказанному. Глубина содержания и изящество стиля, чёткость определений и широта эрудиции, новаторство в русле традиции, завершённая полнота и мера во всём вполне позволяют поставить её в один ряд с лучшими произведениями отечественной дореволюционной и эмигрантской философской и общественно-политической мысли, которую так высоко ценит автор.